

* * *

Являются ли роковые события «Пикника у Висячей скалы» реальностью или вымыслом — решать вам, мои читатели. Это не так уж важно, ведь дело происходило в 1900 году, и все участники давно умерли.

ГЛАВА 1

Все были согласны, что для пикника у Ви-сячей скалы выдался отличный день — сияющее летнее утро, теплое и безветренное. Завтрак прошел под стрекот цикад, облепивших мушмулы, что росли под окнами столовой, и под жужжание пчел, летавших над анютиными глазками вдоль дорожки. Опрятные клумбы пылали большеголовыми георгинами, склонившимися к земле, ровно стриженные газоны нагревались от поднимавшегося все выше солнца. Садовник уже поливал гортензии, что прятались в тени кухонного крыла в задней части строения. Воспитанницы колледжа миссис Эпплъярд давно проснулись, с шести часов утра разглядывали чистое безоблачное небо, а теперь порхали в своих нарядных легких платьицах, будто стайка взволнованных бабочек. Долгожданный ежегодный пикник должен был пройти в субботу, на которую выпал День святого Валентина, традиционно отмечающийся четырнадцатого февраля посредством обмена открытками и безумно романтич-

ными посланиями. Были они при этом строго анонимными — как дань уважения томящимся от любви воздыхателям. Правда, в течение учебного года единственными в школе мужчинами, которым можно было хотя бы улыбнуться, оставались мистер Уайтхэд, пожилой садовник-англичанин, и Том, рабочий из Ирландии.

Пожалуй, лишь директриса не получала в этот день поздравлений. Все прекрасно знали, что миссис Эппльярд не одобряет День святого Валентина и дурацкие открытки, которые только прибавляли горничным работы — все каминные полки были ими заставлены до самой Пасхи. Вытирать пыль становилось так же трудно, как после ежегодного вручения наград. А ведь каминные полки — просто загляденье! Две из белого мрамора в вытянутой гостинной поддерживались парой кариатид, крепких, как бюст самой Мадам; остальные, из резного и гнutoго дерева, были украшены тысячами переливающихся зеркал. В тысяча девятисотом году колледж Эппльярд уже являлся безнадежным архитектурным анахронизмом среди австралийской равнины, словно здание попало не в то время и не в то место. Навсегда останется загадкой, почему для строительства выбрали именно эту часть малолесной земли в нескольких милях от деревушки Маседон у подножия горы. Тонкий извилистый ручеек, сбегавший по склону у края участка площадью в десять акров, вряд ли мог

вдохновить на постройку особняка в итальянском стиле, как и вид окутанной туманом вершины горы Маседон к востоку от противоположной части дороги, открывающийся кое-где среди завесы жилистых эвкалиптов. Тем не менее, особняк был построен, да к тому же из крепкого каслмейнского камня, на долгие времена. Первый владелец, чье имя давным-давно было забыто, прожил в нем всего год или два, а потом огромное уродливое здание опустело и было выставлено на продажу.

Благодаря английскому садовнику мистру Уайтхэду, который до сих пор здесь работал, огромная территория — огород, клумбы, свинарник с курятником, фруктовый сад и теннисные корты — поддерживалась в идеальном порядке. В каменной конюшне можно было найти несколько экипажей в отличном состоянии. Безобразные викторианские предметы мебели выглядели как новые. Мраморные каминные полки привезли прямиком из Италии, плотные ворсистые ковры — из Аксминстера в Англии. На лестнице из кедрового дерева античные статуи держали над головами масляные лампы, гостиная щеголяла роялем, а в день рождения королевы Виктории с квадратной башенки, куда вела узкая винтовая лестница, можно было даже вывесить флаг Соединенного Королевства. Особняк, стоящий на Бендиго-роуд за низкой каменной стеной, моментально впечат-

лил миссис Эппльярд, приехавшую из Англии с неплохими сбережениями и рекомендательными письмами, адресованными самым важным австралийским семьям. Ее карие глаза, всегда внимательно глядевшие вокруг в поисках выгодной сделки, сочли здание идеальным местом для элитного и, естественно, дорогостоящего пансиона — а еще лучше, колледжа — для девочек. Миссис Эппльярд немедленно приобрела дом со всем, что к нему прилагалось, включая садовника, чем привела в восторг агента по недвижимости, который, показывая ей особняк, был готов снизить цену при условии расчета наличными. Вскоре миссис Эппльярд въехала в свое новое жилище.

Неизвестно, имелся ли у директрисы «Колледжа Эппльярд» (именно такая вывеска в виде солидной таблички с золотыми буквами сразу появилась на железных воротах громоздкого сооружения) опыт в сфере образования. Да это и не имело значения. Седеющие волосы, уложенные в высокую прическу с валиком, и пышная грудь, контроль и дисциплина, отражавшиеся на внешности не меньше, чем в честолюбивых замыслах, камей с портретом покойного мужа... Статная незнакомка выглядела как типичная английская директриса, которую и ожидают увидеть родители, а соответствующий вид, как известно, составляет полдела в любом коммерческом предприятии, от уличных представлений до по-

лучения займа на бирже. Колледж с первого дня работы ждал успех, а к концу первого года заведение принесло хорошую прибыль. Все это происходило примерно за шесть лет до начала нашего повествования.

Святой Валентин беспристрастен в оказании знаков внимания, и не только молодые и красивые были заняты чтением открыток. У Миранды накопился целый ящик отороченных кружевом признаний в любви, однако почетное место на мраморной каминной полке занимали самодельный купидон и картинки-поцелуйчики из Квинсленда, заботливо подписанные ее отцом. Эдит Хортон, отнюдь не красавица, самодовольно насчитала одиннадцать валентинок, и даже мисс Ламли за завтраком достала открытку с нездоровым на вид голубком и надписью «БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ ВЕЧНО». Видимо, это пришло от ее молчаливого брата-неряхи, который навещал сестру в прошлом семестре. По мнению взрослеющих девочек, никто, кроме брата, и не мог любить страдавшую близорукостью младшую воспитательницу, вечно одетую в коричневый шерстяной костюм и туфли на плоской подошве.

— Он относится к ней с нежностью, — сказала всегда доброжелательная Миранда. — Я видела, как они прощались в холле.

— Только вот, дорогая Миранда, Рег Ламли — просто *омерзительное* существо! — засме-

ялась Ирма, покачивая иссиня-черными кудряшками и между делом думая о том, почему же школьная соломенная шляпка такая некрасивая.

Прелестная в свои семнадцать, юная наследница не отличалась тщеславием и не кичилась богатством. Она любила красивых людей и красивые вещи и украшала пальто букетиком полевых цветов с не меньшим удовольствием, чем прекрасной брошью с бриллиантами. Порой одного взгляда на спокойное овальное лицо и прямые кукурузно-желтые волосы Миранды было достаточно, чтобы по телу разлилось тепло. Сейчас она задумчиво смотрела на залитый солнцем сад.

— Какой чудесный день! Скорее бы на природу!

— Скажет тоже, да, девчонки? Как будто колледж Эпплъярд находится в трещинах Мельбурна!

— Тянет в лес с папоротниками и птицами... — продолжала Миранда. — Как у нас дома.

— А еще с пауками, — вставила Марион. — Жаль, никто не прислал мне на День святого Валентина карту Висячей скалы. Я взяла бы ее с собой на пикник.

Замечания Марион Куэйд не переставали поражать Ирму своей странностью. Ну кому захочется разглядывать на пикнике карты? Она так и спросила у Марион.

— Мне, — честно ответила та. — Люблю знать, где нахожусь.

Большую часть семнадцати лет Марион Куэйд потратила на беспрестанную погоню за знаниями, и теперь про нее говорили, что делению в столбик она научилась еще в колыбели. Неудивительно, что с ее тонкими изящными чертами, чутким носом, который все время был настроен на поиск чего-то давно желаемого, и стремительной походкой Марион стала похожей на борзую.

Девочки начали обсуждать валентинки.

— Кто-то посмел прислать мисс Макроу открытку на листке в клеточку, исписанном примерами, — сказала Розамунд.

Вообще-то это сделал забавы ради ирландец Том, а подговорила его горничная Минни. Сорокапятилетняя «поставщица» высшей математики старшим воспитанницам жест оценила, ведь в глазах Греты Макроу цифры были куда приятнее, чем розы и незабудки. Один взгляд на листок бумаги, покрытый цифрами, приносил ей тайное удовольствие, а с ним и чувство могущества — с помощью пары взмахов карандашом числа можно было распределить, разделить, умножить, переставить и в итоге прийти к чудесным новым выводам. Хотя Том не узнал об этом, его шутка обернулась успехом. Минни же он отправил открытку с увитым розами сердцем, истекающим кровью и явно доживающим свои последние дни. Минни была очарована подарком, как и Мадемуазель — старой французской гравюрой с изображением един-

ственной розы. Таким образом святой Валентин напомнил обитателям колледжа Эппльярду о разнообразии форм любви.

Мадемуазель де Пуатье, преподававшая танцы и французскую речь и занимавшаяся одеждой воспитанниц, суетилась в восторженном ожидании пикника. Как и ее подопечные, она надела простое платье из муслина, в котором благодаря широкому поясу-ленте и широкополой соломенной шляпе умудрялась выглядеть элегантно. Лишь немногим старше самых взрослых учениц, Мадемуазель также ждала возможности сбежать от удушающей рутины колледжа на долгий летний день и порхала среди девочек, собирающихся на передней террасе для переключки.

— *Depêchez-vous, mes enfants, depêchez-vous. Tais-toi, Irma*¹, — чирикала Мадемуазель птичьим голоском, хоть и не могла всерьез ругаться на *la petite* Ирму, которая приносила эстетическое удовольствие своей прекрасной юной грудью, ямочками на щеках, полными красными губами, озорными темными глазами и блестящими черными кудряшками. Иногда на уроке в темной классной комнате француженка, воспитанная среди великих европейских галерей, поднимала глаза от стола и представляла свою ученицу на фоне вишен и ананасов, херувимов и золотых графинов в окружении элегантных

¹ Поспешите, дети, поспешите. Помолчи, Ирма (*фр.*).

юношей в бархатных и атласных нарядах... — *Tais-toi, Irma...* Мисс Макроу *vient d'arriver*¹.

Худошавая женщина в красновато-коричневой длинной накидке появилась из наружного туалета, к которому вела тайная тропинка, окаймленная бегониями. Воспитательница шла привычным неторопливым шагом, с непринужденным и гордым, как у королевской особы, видом. Никто никогда не видел, чтобы она куда-то спешила. И ни разу не появлялась на людях без очков в стальной оправе.

Грета Макроу взяла на себя обязанность по проведению пикника при содействии Мадемуазель лишь из соображений совести. Будучи великолепным математиком — слишком хорошим специалистом для малооплачиваемой работы в колледже, — она отдала бы пять фунтов, чтобы провести драгоценный праздник, каким бы чудесным он ни был, в своей комнатке с захватывающим научным трудом по математическому вычислению. Хотя эта высокая женщина с сухой кожей бледно-желтого цвета и жесткими седеющими волосами, взгромоздившимися на ее макушке растрепанным птичьим гнездом, жила в Австралии уже тридцать лет, она не обращала внимания на то, что происходит вокруг. Ни климат, ни местная мода, ни эвкалипты и желтая трава, растянувшиеся на мили, не

¹ Мисс Макроу идет (фр.).